

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

ПАРТИСИПАТОРНАЯ УПРАВЛЯЕМОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: СЕТЕВОЙ ЭФФЕКТ И ИНСТИТУТЫ¹

Сморгунов Леонид Владимирович, доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: lvsorgunov@gmail.com

Проблема государственной управляемости обострилась в условиях цифровизации деятельности. Сетевое общество трансформирует государственное управление в направлении совместного управления, т. е. участия граждан в производстве и исполнении политических решений. В этом отношении современная концепция управляемости уже не может быть подчинена ни научно-административной, ни экономической, ни республиканской парадигмам публичного управления. Обеспечение безопасности и справедливости в конфликте сторон как основные функции государства в идеале цифровизации могли бы быть обеспечены алгоритмами соответствующих технологий, учитывающих нормы чистой процедурной справедливости. Также сложные и неопределённые среды сетевого взаимодействия определили характер новой парадигмы управляемости. Предложена и теоретически обоснована гипотеза: партисипаторная управляемость в публичном управлении является сетевым эффектом, возникающим в сетевых структурах, характеризующихся большим количеством участников, плотностью отношений, реципрокностью, доверием и принадлежностью. Она предполагает принцип сотрудничества государства и общества, широкое участие граждан в публичном управлении, выработке и реализации политики. Сетевые технологии обеспечивают сотрудничество на основе институциональной формы взаимодействия, которая эффективнее, чем конкурентная репрезентация. Цифровой алгоритм блокчейна обеспечивает принципы чистой процедурной справедливости на основе правил равенства, доверия, реципрокности и автономности.

Ключевые слова: совместное управление, партисипаторная управляемость, цифровизация, сети, сотрудничество, сетевые эффекты, блокчейн, институты управляемости, доверие, реципрокность

PARTICIPATORY GOVERNABILITY UNDER DIGITALIZATION CONDITIONS: NETWORK EFFECT AND INSTITUTIONS

Smorgunov Leonid V., D. Sc. (Philosophy), Professor
St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: l.smorgunov@spbu.ru

The problem of state governability escalated in the context of digitalization of activity. The network society is transforming public administration in the direction of collaborative governance, i.e. citizen participation in the production and enforcement of political decisions. In this regard, the modern concept of governability can no longer be subordinated to either the scientific-administrative, or the economic, or republican paradigms of public administration. Ensuring security and justice in the conflict of parties as the main functions of the state in the ideal of digitalization could be provided by algorithms of appropriate technologies, taking into account the norms of pure procedural justice. Also, complex and uncertain network environments have defined the nature of the new governability paradigm. A hypothesis is proposed and theoretically grounded: participatory governability in public administration is a network effect that occurs in network structures characterized by a large number of participants, density of relationships, reciprocity, trust and belonging. It implies the principle of collaboration between the state and society, the wide participation of citizens in public administration, in the development and implementation of policies. Network technologies provide collaboration based on an institutional form of interaction that is more effective than competitive representation. The digital blockchain algorithm provides the principles of pure procedural justice based on the rules of equality, trust, reciprocity and autonomy.

Keywords: collaborative governance, participatory governability, digitalization, networks, collaboration, network effects, blockchain, governability institutions, trust, reciprocity

Управление публичной политикой и оценка его эффективности не может осуществляться только по критериям исполнения полномочий и определённых задач. Полномочия могут лишь сказать о том круге вопросов, который должны решать органы публичного управления. Все эти вопросы связаны с организацией условий жизни населения, но не являются целостными

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, грант 18-011-00756 А «Гражданское участие в условиях формирования цифрового правительства». (This article was written with the financial support of the Russian Federal Property Fund, grant 18-011-00756 A "Civil participation in the formation of a digital government".)

показателями его жизни. В этом отношении понятие «качество жизни» предоставляет большие возможности для выработки и осуществления управления публичной политикой и оценки деятельности органов публичной власти и управления. Следует сказать, что понятие «качество жизни» появляется как реакция на ориентацию оценивать условия жизни только количественными мерами, хотя и не преодолевает до конца эту реакцию. В этом смысле качество жизни является скорее синтетической категорией, позволяющей объединить условия жизни с особенностями их использования. Такие понятия, как комфорт, удобство, безопасность, доступность, чистота, разнообразие, выбор, калорийность, эстетичность, скорость и др., являются показателями, по которым могут оцениваться условия жизни населения. Конечно, уровень жизни здесь выступает важным базовым показателем, но если говорить о степени развития жизненных условий, то для современного человека качественные показатели имеют особое достоинство. В этом отношении представляется заслуживающим внимания проект оценивания социальной политики государства не по критерию уровня бедности в экономических терминах, а по показателям «социальной изоляции», определяемой качественными оценками бедности. Важнейшей установкой здесь выступает оценка бедности в терминах включения / исключения и, следовательно, принадлежности к социуму. Последнее является важным условием «мобилизации на участие» в публичной политике развития. Такая сложность оценок заставляет трансформироваться и систему государственного (публичного) управления.

Актуальной задачей в этой связи является соединение многих сторон государственного управления в концепции управляемости. Сложность и неопределённость повышает значение холистского подхода в исследовании, которому соответствует понятие управляемости. Актуальность проблематики определяется также слабой изученностью влияния новых ресурсов, позволяющих решать одновременно задачи управляемости и инновационной конкурентоспособности. Это, конечно, знание, новые технологии и коммуникационные средства. В этом отношении изучение новых моделей государственной управляемости в аспекте построения динамических способностей государства, обеспечивающих ему проактивную роль во взаимодействии со сложными и неопределёнными средами, является актуальной задачей.

Использование сетевых форм координации взаимодействий в экономике и политике, основанные на цифровых технологиях, поставило под вопрос традиционные формы управляемости систем, связанные с централизацией, использованием представительства, обратных связей и поддержанием равновесия со средой. Ответом на проблему стал весьма широкий спектр решений обеспечения управляемости: от анархистского (без Левиафана) до неолиберального (контроль), республиканского (доминирование) и фукодианского (дисциплинирование, субординация).

Анархистская модель является весьма затратной с точки зрения транзакционных эффектов. Обеспечивая внешние эффекты, она при обычных условиях взаимодействия подчинена индивидуальному вотуму недоверия, который может быть наложен на коллективное решение каждым его участником. Индивидуализм анархистской модели противоречит социальности сетевой организации, институционально обеспеченной цифровизацией. Другие способы связаны скорее с оппортунистическим использованием цифровизации, позволяющей усилить управляемость за счёт технизации / бюрократизации / нормативизации публичного управления.

Нельзя ли, однако, полагать, что цифровизация порождает новую форму управляемости за счёт увеличения числа участников управления, организованных в сетевые платформы, что сама партисипаторная управляемость является сетевым эффектом, основанном на способности системы обеспечить нормы процедурного справедливого консенсуса.

Партисипаторная управляемость как сетевой эффект

Управляемость в условиях сетей. Феномен управляемости тесно связан с концепцией правления / политического управления / общего управления / сетевого управления (governance), которая, несмотря на свою популярность в социальных науках, довольно размыта в предметной области. По-видимому, governance как концепт охватывает не только политический аспект государственного управления, но и в более широком смысле – управление публичной политикой, т. е. управление процессами разработки и реализации политики – публичная политика, публичные дела. Отсюда особое значение имеют те аспекты, описывающие признаки управляемости государства, которые возникают как на основе различных моделей государственного / публичного управления – научного управления, нового публичного менеджмента, менеджмент публичных ценностями, со-общественного управления, так и при разработке различных дизайнов выработки и реализации публичной политики. Научное управление основывало

управляемость на разделении труда, его нормировании и иерархической команде, а её общими принципами применительно к публичному управлению становятся репрезентативность, чувствительность и ответственность. Новый государственный менеджмент включал рыночные механизмы управляемости в публичную сферу (конкурентность, обмен, эффективность). Менеджмент публичных ценностей гарантировал управляемость посредством доминирования публичного контекста управления. Со-общественное управление подчёркивало синергичный эффект сотрудничества государства и общества, различных коалиций интересов в процессах управления и политики. Последнее было явным образом обосновано Ю. Хабермасом, который, на самом деле, подчёркивал управляемость общества через развитие общения, диалога и сотрудничества в обществе. В современных российских исследованиях проблема управляемости рассматривается в этом контексте. Среди работ отечественных авторов можно выделить исследование А. Б. Белоуса, М. В. Рубцовой, занимающихся выявлением взаимосвязи управляемости с самоорганизацией общества, неопределённостью и властью (в том числе с ценностным аспектом управляемости) [1; 4]. В работах Т. И. Грицкевич и Г. Л. Купряшина управляемость служит критерием успеха стратегии административных реформ и государственного управления в целом, поскольку в целом отражает реализацию управленческого потенциала государственных структур [2; 3].

Сложные и неопределённые условия деятельности в обществе определили некоторые новые аспекты управляемости. Государственная управляемость в условиях сложных и неопределённых социальных сред выступает в этом отношении в трёх понятиях: 1) управляемость как способность государства использовать свои стратегические ресурсы для повышения конкурентоспособности в мире; 2) управляемость как постоянная координация государством ответственных интересов в публичном пространстве выработки и реализации публичной политики; 3) управляемость как обеспечение политическими институтами справедливости и повышения качества жизни. В общем государственная управляемость соотносима и с конкурентоспособностью государства и с его суверенитетом как способностью координировать публичную власть, на субъектность реализации которой притязают негосударственные акторы. В целом «управляемость демонстрирует различные профили разнообразия, динамики и сложности, завися от сочетания открытых и закрытых управленческих интеракций на их интенциональном и структурном уровнях» [11, р. 204]. Изменяется природа государственного насилия. Координация посредством легитимного насилия и приказа уступает место координации посредством вовлечения в публичность. При этом публичная власть выступает как постоянно согласуемая воля координируемого сообщества, а не как сила, определяющая принадлежность к неразделённому единству.

Понятие партисипаторной управляемости. Эти новые вызовы и возможности определяются как трансформацией политико-административных институтов под влиянием спорной политики, так и формирующейся новой технологической основой – электронным, а затем цифровым управлением. ИКТ первого, второго и третьего поколений определяли управляемость государства с функциональных (электронные государственные услуги), организационных (электронное участие) и коммуникативных (мониторинговая демократия) позиций. Сетевая теория государственного управления сформировала радикальную концепцию «управления без правительства». В четвёртом поколении ИКТ была разработана технология распределённых баз данных (регистров) – блокчейн, основанная на возможности выполнять прямые транзакции между пользователями распределённых сетей на основе криптографических протоколов и алгоритмов, практически без доверия и в обход третьих сторон, в том числе государства. В теоретической перспективе анализа цифровых технологий в управлении их неоспоримые преимущества включают в себя децентрализованное проектирование сетей, снижение операционных издержек, прозрачность операций и конфиденциальность, повышение скорости текущих процессов, надёжность и безопасность, а также повышение степени «осведомлённости» о решениях, принимаемых в условиях отслеживания всех этапов офисного рабочего цикла, что особенно важно для государственного сектора на современном этапе. В разных странах эти преобразования стали общими мотивами политических и административных реформ. При этом магистральным направлением политико-административных реформ становится переход от электронного правительства, ориентированного на предоставление услуг и реализацию функций, к цифровому правительству, ориентированному на услуги, функции и управление посредством гражданского участия. В этом отношении степень и качество участия граждан в сетях управления становится фактом, который необходимо изучать эмпирически, а не простым элементом, который соответствует этой парадигме партисипаторного управления [15].

Понятие партисипаторной управляемости не может быть отделено от того, как понимается управляемость вообще. Управляемость есть способность системы реагировать на изменяющиеся внешние контексты, сохраняя свою природу и цель. Партисипаторная управляемость есть результат сетевой координации взаимодействия, порождающий эффект сотрудничества, а не конкуренции. В сетевой теории понятие сетевых эффектов связано с характеристиками данной формы организации взаимодействия. На сетевых рынках эффект возникает с увеличением числа пользователей и достижением некоторого пограничного критерия – критической массы пользователей, при которых повышается ценность сети. Применительно к организации взаимодействия в социальных и политических сетях можно говорить о сетевых эффектах при дополнительных условиях – плотности сети (её нагруженности взаимными связями), реципрокности сетевого взаимодействия (взаимности оказанных действий, а не обмене, как на рынке), общем чувстве принадлежности к сети, а также доверии, ориентирующем на предсказуемость поведения. Количественные и качественные характеристики сетевой организации предполагают её устойчивость и скоординированность, что соотносимо с общей концепцией публичной управляемости. В этом отношении партисипаторная управляемость в публичном управлении и политике порождается сетевым эффектом сплоченности, сотрудничества и открытости к взаимодействию.

Сотрудничество и ориентация на совместное производство в публичной политике означает, что дизайн политики выстраивается с акцентом на граждан, а не на учреждениях. Возникает сотрудничество, а не только простое внешнее партнёрство. Взаимодействие в процессе публичной политики строится на основе общих ценностей, а не только заключении договоров. Происходит расширение публичных арен для совместной работы и внимание сосредотачивается на обсуждении публичных ценностей и реальных потребностей. Управление осуществляется скорее посредством суждений, чем норм. Большое внимание уделяется реальному контексту жизни заинтересованных сторон публичной политики (потребности и интересы, выбор места и времени). Происходит контекстуализация процесса публичной политики вместо его типизации. Таким образом, обеспечивается прозрачность управления и политики, происходит формирование ориентированных на граждан данных и использование цифровых ресурсов для публичной политики. Большую роль в обеспечении партисипаторной управляемости играет цифровизация.

В научной литературе зафиксирована целевая функция партисипаторной управляемости. Во-первых, партисипаторное публичное управление используется не просто в качестве формы развития демократии, а является ответом на потребность управляемости, возникающей в условиях дифференциации интересов и роста конфликтности в обществе [13]. Во-вторых, партисипаторное публичное управление в форме сетей возникает как необходимость обеспечения управляемости в условиях повышения роли инноваций в публичной сфере [9]. В-третьих, управленческие сети, которые придают большее значение участию граждан, как правило, создают политику возрождения городов, концепция которой носит всеобъемлющий характер, и подчёркивают аспекты социального и общинного развития [15]. Партисипаторная управляемость формируется в определённых контекстах и выражается в достижении консенсуса на основе множества акторов сетевого интенсивного взаимодействия.

Цифровизация и формирование институтов управляемости

Цифровизация публичного управления часто понимается как процесс использования новых ИКТ, особенно электронных технологий, для организации и обеспечения эффективного функционирования публичной сферы. При этом подчёркивается, что цифровизация в политическом смысле – это способ расширить политические формы взаимодействия общества и государства, сделав публичное управление совместным [3]. При этом важно отметить, что гражданское участие способствует развитию «текучей демократии» (liquid democracy) в местных сообществах, когда субъекты политики выбирают и голосуют по важным вопросам, и это свидетельствует о том, что данный вопрос начинает входить в политическую повестку дня. Такой тип демократии позволяет не только прямое участие в процессах принятия решений, но и формирует условия, при которых репрезентация интересов приобретает характер «связанной репутации», обеспеченной соучастием в производстве политических решений.

Институты совместного управления. Ценность цифровизации выходит далеко за рамки простого управления. Нормативная база, используемая цифровыми технологиями, позволяет нам решать ряд проблем, возникающих в связи с кризисом представительной демократии, подотчётности и контроля. Анализ технологии блокчейна показывает, что она создаёт условия для чистой процедурной справедливости, обеспечивая возможность честного

решения общественных вопросов [5]. Этот пример демонстрирует огромные возможности цифровизации процессов управления для формирования его новой организации, которая выходит за рамки простого общественного выбора между левиафаном и анархией. Предыдущий выбор был основан на минимизации издержек взаимозависимости (внешние издержки и транзакционные издержки), тогда как государственное управление основывалось на способности системы обеспечивать безопасность и учитывать основные интересы. Цифровизация не уменьшает эти требования, но идёт дальше, обеспечивая управляемость без посредников через сетевой технологический алгоритм. Управляемость как сетевой эффект цифровизации государственного управления основана как на количестве участников взаимодействия, так и на интенсивности общественного общения. Он поддерживается процедурой справедливого консенсуса, основанного на взаимности (взаимности), равенстве, равнодушии и автономной организации.

Блокчейн: протоколы и правила справедливости. В качестве примера, подтверждающего наличие в протоколах норм цифровых технологий, обеспечивающих справедливое согласие, приведём протоколы блокчейна. В настоящее время важными условиями технической поддержки справедливости взаимодействий и решений в сетях распределённого реестра являются различные алгоритмы, включённые в протоколы и обеспечивающие нормальную работу майнинга. Обратимся здесь к некоторым из них. Майнинг – это процедура выбора лидера, который решил задачу согласования записей в сети в форме другого блока, признанного действительным для продолжения цепочки блоков. Для этого формируются определённые процедуры проверки. В системе «Биткойн» такой процедурой подтверждения было доказательство на основе работы (Proof of Work), в основе которого лежал принцип выбора лидера по критерию скорости решения задачи формирования следующего блока. За формирование следующего блока лидер (майнер) получил вознаграждение в виде криптовалюты. Поскольку задача формирования была обширной, она требовала больших вычислительных мощностей и, следовательно, большого количества электроэнергии. Эта система имеет ряд проблем экономического, экологического и процедурного характера. Одна из процедурных проблем связана с возможностью формирования монополии (51 % объединённых майнеров) внутри распределённой сети, которая принимает решения в её пользу. Хотя это маловероятно из-за возможности противостоять монополии на результаты честных пользователей, но это не невозможно. Следовательно, другие системы доказательств возникли на других основаниях. Доказательство на основе ставки (Proof of Stake) строится пропорционально ставке, которой владеет каждый в соответствии с текущим реестром блокчейна (Ethereum, Cardano). Основной проблемой на основе PoS является возможность подражать процессу выбора лидеров в пользу одной из сторон. По словам разработчиков улучшенного протокола защиты цепочки блоков Ouroboros типа Cardano, их добавление к протоколу способствует жизнеспособности и устойчивости честных транзакций [10]. Часто эта система дополняется методами обеспечения отказоустойчивости, основанными на решении византийской проблемы (EOSIO, BOScoin): безопасность достигается, если две трети валидаторов в системе честны.

Возникает вопрос, какой тип отношений между людьми обеспечивает технология блокчейна? Партнерство или сотрудничество? Конечно, на первый взгляд, партнёрство – это сотрудничество. Часто эти термины используются взаимозаменяемо. Между тем практика партнёрства и сотрудничества позволяет нам разделить содержание этих форм взаимодействия и найти их отличительные особенности. Различия между этими терминами следует учитывать при сравнении контекстов, в которых эти отношения встречаются. Где-то основной разделительной чертой является разница между «быть вместе» (быть партнёрами) и «действовать вместе» (сотрудничать) [8]. Для более чёткого разделения этих понятий можно, вероятно, сказать, что партнёрство – это совместная деятельность, основанная на распределённых (часто равных) правах и обязанностях, направленных на достижение общих целей, тогда как сотрудничество – это совместная деятельность, которая исходит из безусловного желания взаимодействующих сторон работать вместе для достижения общих интересов. Партнёрство загружено внешними правовыми условиями для совместной деятельности, а сотрудничество подразумевает внутреннюю готовность действовать сообща при условии взаимопомощи и ответственности.

Сотрудничество, совместное производство и совместное управление

В последнее время концепции совместного творчества и совместного производства активно используются как инновация в политической науке, государственном управлении и социологии. Первоначально эта концепция установила новое отношение к предоставлению

государственных услуг и была направлена против рыночного подхода к организации этой деятельности [7]. Новое дыхание она приобрела в развитии движения за цифровое управление. Понятие «совместное производство» распространено при изучении государственной политики в целом. По сравнению с понятиями «сотрудничество», «участие общественности», оно расширило интерпретацию цикла государственной политики, затрагивая проблему политических проектов, управления государственной политикой, совместной разработки и реализации общественных ценностей и т. д. Совместное производство является новой позицией в демократической политике государства в условиях неопределённости и сложности.

Некоторые исследователи сосредоточили своё внимание на представлении исследовательских материалов, связанных с управлением посредством сотрудничества, совместным созданием и совместным производством государственной политики, не только по вышеуказанным аспектам этой темы, но также и по влиянию сотрудничества в государственной политике, которое будет соответствовать устойчивому и инклюзивному развитию [12]. В этом отношении проводится различие между совместным производством на основе гражданства и совместным производством на основе партнерства и сотрудничества. Последнее принимает форму участия на основе идентификации с целями государственных программ и ответственности за их реализацию [14].

Новые платформы цифрового государственного управления обеспечивают совместное производство в государственной политике с такими базовыми нормами, которые делают участие граждан открытым, справедливым и разумным. Исходя из этого, управляемость на основе участия будет означать совместные действия по развитию общества, когда сетевой эффект сотрудничества создаёт ценность участия. В этом случае управление на основе участия тем выше, чем больше участников и тем интенсивнее общение. Конечно, существует много проблем и угроз на пути внедрения цифровизации в публичной сфере. Однако это скорее временные несоответствия в процессе формирования современной культуры, организации и форм взаимодействия, обеспечиваемых цифровизацией.

Проблема государственной управляемости обострилась в связи с внедрением новых информационных технологий, предполагающих взаимодействие людей без участия третьей стороны. Обеспечение безопасности и справедливости в конфликте сторон как основные функции государства в идеале цифровизации могли бы быть обеспечены алгоритмами соответствующих технологий. Вместе с тем, использование сетей в экономике, социальной жизни и политике показало необходимость регулирования и этой формы взаимодействия. По крайней мере, речь стали вести о расширении состава участников публичного управления и о новой системе сетевой координации. Гипотеза о том, что новая публичная управляемость может быть сетевым эффектом, опирается на сетевые характеристики взаимодействия, связанные с широтой сетей, их плотностью, реципрокностью, доверием и интенсивностью связей. Публичная управляемость в этой сетевой структуре может быть обеспечена подлежащими нормами создаваемых алгоритмов взаимодействия. Как показано нами, технологии блокчейна обеспечивают чистую процедурную справедливость, базируясь на правилах сетевой координации.

Список литературы

1. Белоус, А. Б. Управляемость. Научные основы управляемости / А. Б. Белоус. – Санкт-Петербург : Книжный дом, 2008. – 144 с.
2. Грицкевич, Т. И. Современные реформы: управляемость и гносеологическая неопределенность / Т. И. Грицкевич // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. – 2007. – Т. 5, № 1. – С. 60–64.
3. Купряшин, Г. Л. Модернизация и управляемость / Г. Л. Купряшин // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). – 2011. – № 2. – С. 67–86.
4. Рубцова, М. В. Социологическая теория управляемости / М. В. Рубцова. – Санкт-Петербург : Книжный дом, 2010. – 198 с.
5. Сморгун, Л. В. Блокчейн как институт процедурной справедливости / Л. В. Сморгун // Политические исследования. Полис. – 2018. – № 5. – С. 88–99.
6. Asgarkhani, M. Digital Government and Its Effectiveness in Public Management Reform / M. Asgarkhani // Public Management Review. – 2005. – Vol. 7, № 3. – P. 465–487.
7. Bovaird, T. From Engagement to Co-production: How Users and Communities Contribute to Public Services / T. Bovaird, E. Loffler // New Public Governance, the Third Sector and Co-production / eds. V. Pestoff, T. Brandsen, V. Verschuere. – New York – London : Routledge, 2012. – P. 35–60.
8. Carnwell, R. The Concepts of Partnership and Collaboration / R. Carnwell, A. Carson // Effective Practice in Health, Social Care and Criminal Justice: A Partnership Approach / ed. by R. Carnwell, J. Buchanan. – 2nd ed. – Maidenhead : Open Universities Press, 2008. – P. 3–21.

9. Gil-Garcia, R. Digital government and public management research: finding the crossroads / R. Gil-Garcia, Sh. Dawes, T. Pardo // *Public Management Review*. – 2018. – Vol. 20, № 5. – P. 633–646.
10. Kiayias, A. Ouroboros: A Provably Secure Proof-of-Stake Blockchain Protocol / A. Kiayias, A. Russell, B. David, R. Olyinikov. – Режим доступа: <https://eprint.iacr.org/2016/889.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
11. Kooiman, J. *Governing as Governance* / J. Kooiman. – London : Sage, 2010. – 262 p.
12. Krenjova, J. Policy Diffusion at the Local Level: Participatory Budgeting in Estonia / J. Krenjova, R. Raudla // *Urban Affairs Review*. – 2017. – Vol. 3, № 4. – P. 1–29.
13. Kübler, D. Strengthen governability rather than deepen democracy: why local governments introduce participatory governance / Kübler D., Rochat Ph., Woo S.Y., Heiden van der N. // *International Review of Administrative Sciences*. – 2019. – Vol. 0, № 0. – P. 1–18 (Article first published online: January 22, 2019).
14. O'Brien, D. Uncharted Territoriality in Coproduction: The Motivations for 311 Reporting / D. O'Brien, D. Offenhuber, J. Baldwin-Philippi, M. Sands, E. Gordon // *Journal of Public Administration Research and Theory*. – 2017. – Vol. 27, № 2. – P. 320–335.
15. Parés, M. Does Participation Really Matter in Urban Regeneration Policies? Exploring Governance Networks in Catalonia (Spain). / M. Parés, J. Bonet-Martí, M. Martí-Costa // *Urban Affairs Review*. – 2012. – Vol. 48, № 2. – P. 238–271.

References

1. Belous, A. B. *Upravlyaemost. Nauchnye osnovy upravlyaemosti* [Governability. Scientific base of governability]. St. Petersburg, Knizhnyy dom Publ., 2008, 144 p.
2. Grickevich T. I. Sovremennye reformy: upravlyaemost i gnoseologicheskaya neopredelennost [Contemporary reforms: governability and epistemological uncertainty]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filosofiya"* [Bulletin of the No-vosibirsk State University. Series "Philosophy"], 2007, vol. 5, no. 1, pp. 60–64.
3. Kupryashin, G. L. Modernizatsiya i upravlyaemost [Modernization and governability]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21 "Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)"* [Bulletin of Moscow State University. Series 21 Governance (state and society)], 2011, no. 2, pp. 67–86.
4. Rubtsova, M. V. *Sotsiologicheskaya teoriya upravlyaemosti* [Sociological theory of governability]. St. Petersburg, Knizhnyy dom Publ., 2010, 198 p.
5. Smorgunov, L. V. Blokcheyn kak institut protsedurnoy spravedlivosti [Blockchain as an institution of procedure justice]. *Politicheskie issledovaniya. Polis* [Political studies. Polis], 2018, no. 5, pp. 88–99.
6. Asgarkhani, M. Digital Government and Its Effectiveness in Public Management Reform. *Public Management Review*, 2005, vol. 7, no. 3, pp. 465–487.
7. Bovaird, T., Loffler, E., From Engagement to Co-production: How Users and Communities Contribute to Public Services. *New Public Governance, the Third Sector and Co-production*. Ed. by V. Pestoff, T. Brandsen, B. Verschuere. New York – London, Routledge Publ., 2012, pp. 35–60.
8. Carnwell, R., Carson, A. The Concepts of Partnership and Collaboration. *Effective Practice in Health, Social Care and Criminal Justice: A Partnership Approach*. Ed. by R. Carnwell, J. Buchanan. Maidenhead, Open Universities Press, 2008, 2nd ed., pp. 3–21.
9. Gil-Garcia, R., Dawes, Sh., Pardo, T. Digital government and public management research: finding the crossroads. *Public Management Review*, 2018, vol. 20, no. 5, pp. 633–646.
10. Kiayias, A., Russell, A., David, B., Olyinikov, R. *Ouroboros: A Provably Secure Proof-of-Stake Blockchain Protocol*. Available at: <https://eprint.iacr.org/2016/889.pdf>.
11. Kooiman, J. *Governing as Governance*. London, Sage Publ., 2010, 262 p.
12. Krenjova, J., Raudla, R. Policy Diffusion at the Local Level: Participatory Budgeting in Estonia. *Urban Affairs Review*, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 1–29.
13. Kübler, D., Rochat, Ph., Woo, S.Y., Heiden van der, N. Strengthen governability rather than deepen democracy: why local governments introduce participatory governance. *International Review of Administrative Sciences*, 2019, vol. 0, no. 0, pp. 1–18 (Article first published online: January 22, 2019).
14. O'Brien, D., Offenhuber, D., Baldwin-Philippi, J., Sands, M., Gordon, E. Uncharted Territoriality in Coproduction: The Motivations for 311 Reporting. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 320–335.
15. Parés, M., Bonet-Martí, J., Martí-Costa, M. Does Participation Really Matter in Urban Regeneration Policies? Exploring Governance Networks in Catalonia (Spain). *Urban Affairs Review*, 2012, vol. 48, no. 2, pp. 238–271.